

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ИСТОРИЯ РОССИИ  
В СОВРЕМЕННОЙ  
ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ**

**СБОРНИК  
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**ЧАСТЬ 3**

**МОСКВА  
2011**

**Коллектив авторов**  
**История России в современной**  
**зарубежной науке, часть 3**  
**Серия «История России (ИНИОН)»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=38615783](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38615783)*

*История России в современной зарубежной науке. Сборник обзоров и рефератов. Часть 3:  
ISBN 978-5-248-00574-1*

### **Аннотация**

На основе работ американских, британских, немецких, французских и итальянских историков рассматриваются новые интерпретации и подходы к изучению Гражданской войны, сталинизма и его административной системы, национальной и культурной политики 1920–1930-х годов, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., хрущёвской «оттепели», причин распада СССР.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

# Содержание

Вместо предисловия: Советский Союз в современной зарубежной историографии	4
Советский Союз: очень короткое введение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# **История России в современной зарубежной науке. Сборник обзоров и рефератов. Часть 3**

## **Вместо предисловия: Советский Союз в современной зарубежной историографии**

*О.В. Большакова*

Предлагаемый вниманию читателей сборник обзоров и рефератов зарубежной исторической литературы, подготовленный силами сотрудников и аспирантов Отдела истории ИНИОН РАН, является продолжением публикации, начатой в 2010 г., и посвящен советскому периоду в истории России. В нем нашли отражение те тенденции в зарубежных исторических исследованиях, которые в полной мере начали проявляться в последнее десятилетие, а также работы, без которых немислим современный «историографический ланд-

шафт». Конечно, объем не позволяет вместить все разнообразие тем и подходов к изучению истории Советского Союза, существующее в современной западной историографии, поэтому предпочтение отдано работам, которые дают представление о состоянии дел в русистике разных стран.

Центральное место в сборнике отведено американской русистике, которая продолжает оставаться локомотивом исторических исследований России за рубежом. Однако все активнее в отношении новаторских подходов проявляет себя и британская наука. Неслучайно в начале сборника помещен реферат на книгу британца Стивена Ловелла (который является одним из редакторов американского журнала «Критика» и в полной мере являет собой пример долгожданной интернационализации дисциплины) «Советский Союз: Очень короткое введение» (38).

Характеризуя Советский Союз как страну, полную противоречий, автор строит свое повествование на бинарных оппозициях в духе лотмановской школы: прошлое и будущее, бедность и богатство, насилие и энтузиазм, наконец, Запад и Восток, однако показывает их тесное взаимодействие на протяжении времени. Признание парадоксов советского режима, в котором эгалитарная идеология социальной справедливости с самого начала сочеталась с дискриминацией, плановая экономика вела к хаосу, а интернационализм лишь подчеркивал национальные различия, Ловелл воспринимает как первый шаг к настоящему его пониманию, лишенному поли-

тических предубеждений времен «холодной войны» (38, с. 14). Теперь, когда СССР отошел уже в достаточно отдаленное прошлое, и историки обратились к изучению менее кровавых послевоенных лет, его перестали воспринимать исключительно как форму диктатуры, пишет С. Ловелл. Выясняется, что помимо угнетения и физического уничтожения людей, государство давало образование и работу, предоставляло возможности для продвижения вверх, что повседневная жизнь в СССР была разнообразна и интересна – особенно для историка.

В небольшой книге С. Ловелла представлен самый современный взгляд на историю страны в целом и задается система координат, в которой и следует воспринимать помещенные в сборнике материалы. Заданы в ней и основные темы, которые нашли отражение в помещенных далее обзорах и рефератах: насилие (направленное как вовне, так и против своих граждан), учет и контроль в государственном управлении, этнонациональная и гендерная политика, повседневная жизнь, возникновение общества потребления и расширение сферы частной жизни, распад СССР.

Эти темы раскрываются в работах, написанных не только американскими и британскими, но и западноевропейскими специалистами. Таковы книги французских исследователей А. Блюма и М. Меспуле, совместными усилиями изучающих «бюрократическую анархию» при социализме, их соотечественницы Ж. Бувар, создавшей подробную историю стро-

ительства московского метро и параллельного конструирования соответствующего мифа, немецкой исследовательницы К. Кухер, обратившейся к истории Парка культуры им. Горького, итальянки Д. Кароли о «социальном государстве» 1930-х годов (см. обзор, написанный Т.К. Сазоновой, и рефераты, подготовленные О.Л. Александри, М.М. Минцем и И.Е. Эман). Большое значение для понимания национальной политики СССР имеет книга Ж. Кадио, почти сразу после публикации в Париже переведенная на русский язык (см. реферат Т.Б. Уваровой). Характерной особенностью большинства этих работ, как и всей современной историографии довоенного СССР, является акцент на преемственности с до-революционной эпохой, от которой новое государство унаследовало не только структуру институтов, но и практики управления, не говоря уже о моделях повседневной жизни и быта.

И все-таки ведущее место в сборнике занимают англоязычные работы, в которых рассматриваются такие проблемы, как усвоение советскими людьми революционных ценностей (реферат М. Минца), возникновение советской торговли и создание новой социальной категории – потребителя, история советского автомобиля (рефераты О.В. Большаковой). В центре внимания американцев находятся процессы, связанные с наступлением в начале XX в. эпохи модерности, или «эпохи масс», которая характеризуется массовой политикой, массовым производством, массовой культурой,

рождением консюмеризма – массового потребления. Вслед за С. Коткиным большинство молодых американских исследователей, работающих в русле этой парадигмы, не подчеркивают уникальность «советского эксперимента», а считают Советский Союз меж-военного периода одним из вариантов «нелиберальной модерности», который находился в русле общеевропейских тенденций. И здесь разнообразие тем достаточно велико. Важную часть представлений исследователей о современном типе общества, создававшемся в сталинском государстве, составляют работы, посвященные науке (2; 3), семейной политике и семейным ценностям в социальном государстве (23), созданию нового «модерного субъекта» (21; 22; 36).

В конечном счете в центре внимания зарубежных историков находится формирование в Советском Союзе тех или иных идентичностей – социальной, гендерной, национальной. В этом контексте разворачивается исследование национализма и национальной политики в СССР. Интересные работы вышли уже в 1990-е годы, но и в начале нового тысячелетия «империя наций» нашла отражение в зарубежной историографии (25; 41; 49). Особое внимание уделяется Средней Азии, причем не только американскими специалистами (11; 29).

Одним из ключевых как для композиции нашего издания, так и для понимания ситуации в современной зарубежной русистике является сборник «За пределами тотали-

таризма», который фактически подвел итог исследованиям эпохи сталинизма 1930-х годов, наметив одновременно новые перспективы. Наиболее популярная в годы перестройки тема, получившая подкрепление благодаря «архивной революции», сегодня не относится к числу новаторских. Тем не менее предложенный в международном проекте угол зрения – сопоставить две величайшие диктатуры, параллельное существование и затем столкновение которых наложило громадный отпечаток на всю историю трагического XX века, – безусловно, является новым словом в современной исторической науке. Прежде такими сравнениями занимались главным образом политологи и журналисты. Но благодаря взлету в изучении сталинизма 1930-х годов, который произошел в последнее десятилетие XX в., в первую очередь в США, стало возможным осуществление сравнительно-исторического проекта. За это время исследования советской истории набрали необходимый массив эмпирического материала, хотя и не нагнали, как считается, исследования нацистской Германии, стартовавшие гораздо раньше и во многом благодаря свободному доступу к архивам.

Подготовленный международным коллективом авторов 500-страничный том прошел долгий путь до своего выхода в свет. В 2002–2005 гг. инициаторами издания Ш. Фицпатрик и М. Гайером было проведено четыре встречи авторов (все – в США), на которых обсуждались отдельные главы, каждая готовилась совместно двумя историками – специалистами по

истории СССР и нацистской Германии. Все это позволило переосмыслить сущность и сталинизма, и нацизма, разработать новую методологию сравнительной истории и, что изначально ставили своей целью американские историки, – выйти за пределы уже устаревших моделей тоталитаризма и тех концепций идеологии и личности, которые были сформированы во времена «холодной войны» и вместе с XX в. должны, наконец, отойти в прошлое.

Следует заметить, что для американских историков, в первую очередь для Ш. Фицпатрик, стоявшей у истоков движения ревизионизма в изучении советской истории 1920–1930-х годов, приверженность концепции тоталитаризма или же, напротив, отказ от нее имеет принципиальное значение. И предложение выйти за пределы этой концепции представляет собой новый шаг в развитии американской историографии, который позволил бы найти общий язык с новым поколением историков-русистов, не желающим вовлекаться в идеологические сражения своих предшественников. Считая тоталитарную модель типичным оружием «холодной войны», они говорят о ее «заслуженной отставке» и предлагают более тонкое понимание того, как функционируют общество и власть.

Отсутствие в настоящем сборнике привычных «крупных» тем – истории революции, индустриализации и коллективизации и тем более «высокой» политики не означает, что работы такого плана не публикуются за рубежом. Однако они,

как правило, продолжают линию исследований, начатую в 1970-е годы, лишь добавляя в них новые штрихи и уточняя прежние концепции при помощи данных, почерпнутых из архивов. Многие историки продолжают работу над проблемами, которые так и не были разрешены в 1980-е годы. Среди работ по экономической истории следует назвать сборники, изданные под редакцией Р. Дэвиса, С. Уиткрофта и П. Грегори – признанных специалистов по этой проблематике (5; 54). В них раскрываются особенности хитросплетений сталинской политики и управления экономикой. Продолжается изучение сталинских репрессий (см. обзор в этом сборнике, написанный М. Минцем), по-прежнему идет уточнение количества погибших и пострадавших, в исследовательское поле вводятся все новые категории жертв режима, архивные данные позволяют выдавать расширенные интерпретации традиционного политического или социоисторического характера (17). Продолжается изучение механизмов террора. В частности, интересная монография В. Голдман продемонстрировала, как в 1937–1938 гг. раскручивался маховик репрессий на фабриках и заводах, когда под лозунгом «борьбы за демократию» рабочие вовлекались в процесс «коллективного умопомешательства и саморазрушения». В ней на новом архивном материале и во многом по-новому раскрывается постулат ревизионистской историографии о социальной поддержке сталинского режима, что нашло отражение в обзоре, написанном М. Минцем.

Большой вклад в изучение 1930-х годов вносят представители школы Ш. Фицпатрик, так называемые «чикагцы», да и сама их руководительница выпускает интересные работы. Ее книга «Маски долой!» посвящена проблеме формирования новой идентичности и приписывания к классу – сконструированному, воображаемому понятию, структурировавшему советскую действительность долгие годы (16). В русле социальной истории осуществлены интересные исследования «чикагцев» Г. Алексопулос о «социально чуждых» (1), Дж. Хесслер о советской торговле (24), М. Леноэ о роли газет в создании новой революционной культуры (37).

Однако современная историография сталинизма не исчерпывается работами школы Фицпатрик. Большой пласт литературы составляют гендерные исследования, демонстрирующие новое измерение старых по существу проблем: роль женщин в индустриализации и коллективизации (10; 19), проект по созданию «нового советского человека» и «освобождение женщины» (12; 29) и такие новаторские темы, как формирование гендерных норм при социализме (5). Данная проблематика тесно смыкается с важной для сегодняшней зарубежной историографии темой – существованием частной жизни при социализме, что раньше напрочь отрицалось русистами (7).

Неслучайно в фокусе интереса зарубежных историков находится и история детства и юношества (30; 32; 34). Особое значение для современных исследований имеет изданная

недавно британской исследовательницей Катрионой Келли монография с энциклопедическим охватом, описывающая «мир детства» в историческом развитии (30). Избранный предмет изучения позволяет глубже проникнуть в суть формирующейся советской идентичности, хотя эта проблема изучается и в другом ключе, как это заметно в работе Д. Бранденбергера о массовой культуре и сталинской пропаганде (8). Внимание к пропаганде и ее роли в формировании национальной и общесоветской идентичности характерно для зарубежной историографии, которая все больше тяготеет к изучению культуры, а не политики, и все больше расширяет понятие «политического» (15).

Возникновение своеобразной праздничной культуры как инструмента утверждения легитимности советского режима – одна из популярных, хотя и не совсем новых тем. Ей посвящено много работ (см., в частности: 9; 40; 42), которые методологически близки к современным исследованиям революции 1917 г. с их вниманием к языку и репрезентациям. Хотя Октябрьская революция давно вышла из разряда ведущих тем, так что многие историки стараются не замечать «разрыв 1917 г.» и говорят о «длительном кризисе 1914–1921 гг.» (см.: 26), новый культурно-исторический ракурс нашел своих приверженцев (13; 20; 36). Точно так же и история Гражданской войны (эпизод которой представлен в реферате В.С. Коновалова на книгу Э. Ландиса об антоновщине) привлекает немногих и тоже чаще всего рассматривается в

социокультурном ключе (44).

Изучение Великой Отечественной войны в зарубежной историографии долгое время оставалось прерогативой военных историков, причем с точки зрения Восточного фронта на нее смотрел фактически единственный исследователь – американец Д. Гланц (18). Его многочисленные книги, написанные как в специальном, так и в популярном ключе, были неоднозначно встречены в нашей стране, однако совсем недавно их начали активно переводить и издавать. Однако уже в новом тысячелетии появились плоды архивной революции в виде интересных монографий социальных историков, среди которых следует назвать в первую очередь «Иванову войну» Кэтрин Мерридейл и «Наследие ленинградской блокады, 1941–1995» Лизы Киршенбаум, упомянутые в обзоре М. Арманд. Содержание обеих книг выходит далеко за рамки темы обзора, посвященного настроениям населения в первые месяцы войны и проблемам мифологизации памяти – процесса, который начался фактически немедленно с момента нападения Германии на СССР. К. Мерридейл, в частности, реконструирует жизнь простого советского солдата в условиях боевых действий и делает это с явной симпатией к объекту своего исследования.

Тем не менее война как таковая является скорее фоном для исследования совсем других проблем, в частности формирования гендерной идентичности в СССР, как это было сделано в монографии выпускницы университета

Джонс Хопкинс Анны Крыловой «Советские женщины-солдаты: История насилия на Восточном фронте» (33). Подробно прослеживая историю участия в боях молодых женщин, принадлежавших к так называемому первому советскому поколению, Крылова формулирует новую концепцию гендерной идентичности, не сводимую к уже ставшей традиционной модели противоположного «Другого».

Осмысление войны как беспрецедентного катаклизма, потрясшего весь европейский континент, и ее воздействия на идеологию, верования и практики советского режима – тема одноименной книги Амира Вайнера (51), которая дала серьезный толчок последующим исследованиям «позднего сталинизма». Вайнер полагает, что Великая Отечественная война изменила СССР физически и символически, усилив ряд тенденций. Свое исследование Вайнер провел на примере Винницкой области – региона, где противоречия сталинского социализма усугублялись национальными проблемами, а немецкая оккупация обострила положение дел. Тема украинской национальной идентичности в послевоенный период и ее соотношения с идентичностью советской затрагивается в сводном реферате О.В. Бабенко, в котором использованы материалы, опубликованные в журнале «*Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*» за 2006 год. Статьи четырех историков из разных стран, включая Японию, отражают современное состояние зарубежной украинистики и спектр исследовательских предпочтений.

Реферат на сборник, посвященный эпохе позднего сталинизма, дает представление об «антропологическом повороте», который произошел в американской русистике совсем недавно. Многие исследования были напрямую инициированы работой Вайнера, однако продолжили ее в новом ключе, подчеркнув заложенные в этот период тенденции, которые нашли свое воплощение в годы хрущёвской оттепели. Следует отметить, что подготовленный британскими историками Мелани Илич и Джереми Смитом сборник по истории хрущёвского времени (см. реферат О.В. Большаковой) не является каким-то серьезным исследовательским прорывом в этой области. Однако среди авторов мы находим имена совсем молодых историков из Франции, Швеции, даже Южной Кореи, которые только начинают свою научную карьеру, и есть вероятность, что именно они станут «лицом» русистики в своих странах в последующие годы.

С точки зрения профессиональной большой интерес все же представляют работы американцев, в частности книга ученика Ш. Фицпатрик Стивена Биттнера, о московском Арбате 1950–1960-х годов (6). В книге использован социально-исторический подход, ставящий во главу угла «человеческое измерение» истории. Он связан с одной из узловых тем для западных русистов – историей советских поколений, которая нашла свое отражение в отреферированных здесь работах Е. Шульман о первом советском поколении комсомолок и А. Юрчака, посвященной последнему советскому по-

колению. Между ними (хронологически) лежат исследования Д. Рейли (47) «Поколение спутника» о детях, которые пошли в школу в 1957 г., и Д. Рэнсела о трех поколениях деревенских женщин в Татарии (45).

Все они написаны на основе личных интервью, однако далеко не все являются пример «устной истории». На разных концах спектра находятся книги Д. Рейли, который предоставил читателю самостоятельно делать выводы и заключения на основе переведенных и почти не откомментированных им интервью с учениками одной из школ г. Саратова, и А. Юрчака, который построил собственную достаточно сложную концепцию, основанную на теориях современных философов. Развернутый реферат на эту книгу, подготовленный З.Ю. Метлицкой, дает представление о том, что такое антропологический подход в современном историческом исследовании. Не менее интересны и другие антропологические работы, которые получают все более широкое распространение в американской русистике, – например, книга Томаса Вольфа об истории журналистики (52). Рассматриваемый в ней механизм формирования «социальной персоны» в прессе во времена Аджубея и других столь же ярких журналистов предлагает новый угол зрения на тему, почти не привлекавшую внимания серьезных исследователей ни в нашей стране, ни за рубежом.

Давно популярной теме распада Советского Союза посвящены две представленные в сборнике книги: уже упоми-

навшаяся монография Алексея Юрчака и «Несостоявшийся Армагеддон» Стивена Коткина (развернутый реферат подготовлен А.Е. Медовичевым). Обе работы написаны в русле исторического знания, причем на самом высоком уровне. Предложенные в них совершенно разные варианты объяснения причин коллапса социалистической системы кажутся несовместимыми и отражают разницу социоисторического и историко-антропологического подходов.

К сожалению, в нашем сборнике не нашли отражения многие интересные направления в изучении истории СССР, которые активно развивают британские литературоведы и американские социальные историки. В первую очередь, это история досуга, представленная такими яркими примерами, как история дачи Стивена Ловелла, к счастью, переведенная на русский язык (39), сборники «Туризм» (50) и «Развлечения при социализме» (43).

Совершенно новая тенденция, которая начала реализовываться в последние несколько лет, – объединение исследований СССР и стран Восточного блока. Она наблюдается и в сборнике, посвященном туризму, где преодолевается не только «разрыв 1917 г.», но и географические границы, и в представительной работе о «воображаемом Западе», опубликованной совсем недавно соединенными усилиями американских и европейских историков (27).

В настоящем сборнике нет возможности не только отразить все новые направления, но даже упомянуть все интерес-

ные работы, которые вышли на Западе за последние десять лет. В списке литературы читатель найдет имена авторов, которые выпустили интересные и значительные монографии, а некоторых имен не найдет и вовсе. Тем не менее настоящая публикация создает общее впечатление о том, что происходит сегодня в зарубежной русистике, и высвечивает, пожалуй, главное – тот факт, что в советскую историю пришел человек. Именно «человеческое измерение» истории Советского Союза стоит в центре внимания современных исследователей.

## Литература

1. *Alexopoulos G.* Stalin's outcasts: Aliens, citizens, and the Soviet state, 1926–1936. – Ithaca: Cornell univ. press, 2003. – XI, 243 p.
2. *Andrews J.T.* Science for the masses: The Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia, 1917–1934. – College Station: Texas A&M univ. press, 2003. – XII, 234 p.
3. *Beer D.* Renovating Russia: The human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930. – Ithaca: Cornell univ. press, 2008. – IX, 229 p.
4. Behind the façade of Stalin's command economy: evidence from the Soviet state and party archives / Ed. by Gregory P. – Stanford: Hoover Institution press, 2001. – XI, 202 p.

5. *Bernstein F.L.* The dictatorship of sex: Lifestyle advice for the Soviet masses. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2007. – XVII, 246 p.

6. *Bittner St.V.* The many lives of Khrushchev's thaw: Experience and memory in Moscow's Arbat. – Ithaca: Cornell univ. press, 2008. – XI, 235 p.

7. *Borders of socialism: Private spheres of Soviet Russia* / Ed. by Siegelbaum L.H. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – X, 291 p.

8. *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956. – Cambridge: Harvard univ. press, 2002. – XV, 378 p.

9. *Brooks J.* Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from Revolution to Cold War. – Princeton: Princeton univ. press, 2000. – XX, 319 p.

10. *Buckley M.* Mobilizing Soviet peasants: Heroines and heroes of Stalin's fields. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. – XV, 367 p.

11. *Buttino M.* La rivoluzione capovolta. L'Asia central tra il crollo dell'Impero zarista e la formazione dell'Urss. – Napoli: L'ancora, 2003. – 491 p.

12. *Cheng Y.* Creating the 'new man': From Enlightenment ideals to socialist realities. – Honolulu: Univ. of Hawai'i press, 2009. – X, 265 p.

13. *Corney F.C.* Telling October: Memory and the making of

the Bolshevik revolution. – Ithaca: Cornell univ. press, 2004. – 301 p.

14. *Edele M.* Soviet veterans of the Second World War: A popular movement in an authoritarian society, 1941–1991. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 334 p.

15. Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda / Ed. by Platt K., Brandenberger D. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 2006. – XVI, 355 p.

16. *Fitzpatrick Sh.* Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – XII, 332 p.

17. *Getty A.J., Naumov O.V. Yezhov: The rise of Stalin's «iron fist».* – New Haven: Yale univ. press, 2008. – XXV, 283 p.

18. *Glantz D.M.* Colossus reborn: The Red Army at war, 1941–1943. – Lawrence: Univ. press of Kansas, 2005. – XIX, 807 p.

19. *Goldman W.Z.* Women at the gates: Gender and industry in Stalin's Russia. – Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge univ. press, 2002. – XVI, 294 p.

20. *Gorham M.S.* Speaking in Soviet tongues: Language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2003. – 266 p.

21. *Halfin I.* Terror in my soul: Communist autobiographies on trial. – Cambridge: Harvard univ. press, 2003. – XI, 344 p.

22. *Hellbeck J.* Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin. – Cambridge: Harvard univ. press, 2006. – XI, 436 p.

23. *Hoffmann D.L.* Stalinist values: The cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941. – Ithaca, NY: Cornell univ. press, 2003. – XIII, 247 p.

24. *Hessler J.* A social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953. – Princeton: Princeton univ. press, 2004. – XVI, 366 p.

25. *Hirsch F.* Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – XVIII, 367 p.

26. *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. – Cambridge: Harvard univ. press, 2002. – IX, 359 p.

27. *Imagining the West in Eastern Europe and the Soviet Union* / Ed. by Peteri G. – Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 2010. – 336 p.

28. *Jenks A.L.* Russia in a box: Art and identity in an age of revolution. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2005. – IX, 264 p.

29. *Kamp M.* The new woman in Uzbekistan: Islam, modernity, and unveiling under communism. – Seattle: Univ. of Washington press, 2006. – XIII, 332 p.

30. *Kelly C.* Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991. – L.: Yale univ. press, 2007. – XXII, 714 p.

31. *Kelly C.* Refining Russia: Advice literature, polite culture, and gender from Catherine to Yeltsin. – N. Y.: Oxford univ. press, 2001. – XLIV, 438 p.

32. *Kirschenbaum L.* Small comrades: revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932. – N.Y.: RoutledgeFalmer, 2000. – 232 p.

33. *Krylova A.* Soviet women in combat: A history of violence on the Eastern front. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – XVI, 336 p.

34. *Kuhr-Korolev C.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917– 1932. – Essen: Klartext Verlag, 2005. – 365 S.

35. Landscaping the human garden: Twentieth-century population management in a comparative framework / Ed. by Weiner A. – Stanford: Stanford univ. press, 2003. – XI, 344 p.

36. Language and revolution: Making modern political identities/ Ed. by Halfin I. – L.; Portland: F. Cass, 2002. – 403 p.

37. *Lenoe M.* Closer to the masses: Stalinist culture, social revolution, and Soviet newspapers. – Cambridge: Harvard univ. press, 2004. – 315 p.

38. *Lovell S.* The Soviet Union: A very short introduction. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – XIV, 154 p.

39. *Lovell S.* Summerfolk: A history of the dacha, 1710–2000. – Ithaca: Cornell univ. press, 2003. – XV, 260 p.

40. *Malte R.* Das Sowjetische massenfiest. – Hamburg: Hamburger, 2006. – 454 S.

41. *Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell univ. press, 2001. – XVII, 496 p.

42. *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebrations in the time of Stalin. – Bloomington: Indiana univ. press, 2000. – X, 266 p.

43. Pleasures in socialism: Leisure and luxury in the Eastern Bloc / Ed. by Crowley D., Reid S.E. – Evanston: Northwestern univ. press, 2010. – 360 p.

44. *Raleigh D.J.* Experiencing Russia's Civil war: Politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922. – Princeton, 2002. – XVII, 438 p.

45. *Ransel D.L.* Village mothers: Three generations of change in Russia and Tataria. – Bloomington: Indiana univ. press, 2000. – VIII, 314 p.

46. *Roslof E.E.* Red priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and revolution, 1905– 1946. – Bloomington: Indiana univ. press, 2002. – XVII, 259 p.

47. Russia's sputnik generation: Soviet baby boomers talk about their lives / Transl. and ed. by Raleigh D.J. – Bloomington: Indiana univ. press, 2006. – XIII, 299 p.

48. *Shearer D.R.* Policing Stalin's socialism: Repression and social order in the Soviet Union, 1924-1953. – New Haven: Yale univ. press, 2009. – XIV, 507 p.

49. A state of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin / Ed. by Suny R.G., Martin T. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – XII, 307 p.

50. Turizm: The Russian and East European tourist under capitalism and socialism / Ed. by Gorsuch A.E., Koenker D.P. –

Ithaca: Cornell univ. press, 2006. – IX, 313 p.

51. *Weiner A.* Making sense of war: the Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – XV, 416 p.

52. *Wolfe T.C.* Governing Soviet journalism: The press and the socialist person after Stalin. – Bloomington: Indiana univ. press, 2005. – XXI, 240 p.

53. *Wood E.A.* Performing justice: Agitation trials in early Soviet Russia. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – 301 p.

54. *The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933 / Ed .by Davies R.W. and Wheatcroft S.G.* – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – XVII, 555 p.

55. *Yekelchik S.* Stalin's empire of memory: Russian-Ukrainian relations in the Soviet historical imagination. – Toronto: Univ. of Toronto press, 2004. – XI, 231 p.

56. *Zelnik R.* Perils of Pankratova: Some stories from the annals of Soviet historiography. – Seattle: Univ. of Washington, 2005. – XIV, 137 p.

# **Советский Союз: очень короткое введение (Реферат)**

*Ловелл С.*

**Lovell S**

**The Soviet Union: A very short introduction. –  
Oxford: Oxford univ. press, 2009. – XIV, 154 p**

В книге британского историка Стивена Ловелла (Кингз-Колледж, Лондон) предлагается краткий очерк истории СССР, основанный на новейших концепциях и подходах зарубежной историографии. Книга издана в серии VSI (Very Short Introduction) издательства Оксфордского университета, которая включает в себя около 300 названий, охватывающих самые разные аспекты научного, главным образом гуманитарного, знания.

В основе авторского изложения лежит новый для зарубежной историографии тезис об удивительной стабильно-

сти Советского Союза, который, при наличии исключительно сильных внутренних противоречий и несмотря на постоянное присутствие внешней угрозы, просуществовал столь долгое время. Отказавшись от привычного хронологического принципа изложения, автор выделил несколько тематических комплексов, рассмотрение которых позволяет ему охарактеризовать особенности как политической системы СССР, так и советской экономики и общества.

В первой главе «Будущее и прошлое» рассматривается восприятие в Советском Союзе собственного исторического прошлого сквозь призму идеологии, устремленной в «светлое коммунистическое будущее». Как отмечает Ловелл, ориентация на будущее являлась не просто фигурой политической риторики, а представляла собой образ мыслей, который пронизывал буквально всю культуру советского общества (с. 15). Марксизм-ленинизм, соединявший в себе научный анализ социально-экономических реалий и совершенно нереалистические проекты построения бесклассового общества в бедной, голодной стране, неизбежно должен был стать политической религией.

Выкорчевывая все, связанное со «старым режимом» (особенно это касалось церкви), большевики создавали новые модели повседневной жизни. При этом, как отмечает автор, для большевиков было характерно обостренное ощущение отставания страны от западных соседей. Настоящая гонка за временем началась с принятием первого пятилетнего плана,

который торопились выполнить в самые сжатые сроки, и название повести В. Катаева «Время, вперед!» выражало сущность тогдашнего мироощущения. При этом советским людям, испытывавшим трудности ранней стадии индустриализации, предписывалось уметь увидеть за нищетой и убожеством сегодняшнего дня «заревое далекой модерности», пишет автор (с. 20). Свой вклад в создание подобного мировоззрения вносила новая советская индустрия культуры, в частности метод социалистического реализма, который должен был показывать мир не таким, как он есть, а каким он должен быть.

Важной вехой на пути к социализму стала конституция 1936 г., объявившая о построении в СССР бесклассового общества. К реалиям советской жизни она имела такое же отношение, как кинофильм «Светлый путь», замечает С. Ловелл, однако она сигнализировала о создании политической культуры, которая поистине одержимо отслеживала успехи страны в достижении абстрактных и далеких целей (с. 23).

После доклада Хрущёва на XX съезде руководство «еще раз прильнуло к роднику революционного утопизма» и выработало новую программу партии – первую после 1919 г., – в которой было объявлено, что коммунизм в основном будет построен к 1980 г. Однако ощущение времени как энергичного движения вперед полностью рассеялось в 1970-е годы, что чувствовалось на уровне неспешного течения повседневной жизни. Прежде революционное общество стало консер-

вативным и «глядело в прошлое, так же как и старцы на вершинах партийной иерархии» (с. 25, 32).

Несмотря на то, что советский режим черпал свою легитимность из будущего, ему, как это и положено, требовалось представить убедительную историю о своем происхождении. Автор прослеживает процесс создания в первые годы советской власти «революционной иконографии», в которой Октябрь 1917 г. представал кульминацией и целью всего предыдущего исторического развития страны, отмечает «возвращение» истории в середине 1930-х годов и активное внедрение патриотических мифов, связанных с героями прошлого, в период Великой Отечественной войны. Сама война, в свою очередь, стала культовым историческим событием в брежневскую эпоху, внося свой вклад в легитимность советского режима (с. 29–31).

Предпринятая Горбачёвым перестройка должна была вновь двинуть Советский Союз к светлому будущему, но вместо этого, пишет автор, началось «сведение счетов с прошлым» (с. 33). История стала главной политической проблемой для масс – причем в таких масштабах, каких не бывало в мировой практике. Лавина исторических открытий о преступности советского режима не только подрывала его легитимность. В период развала СССР была поставлена под вопрос сама советская модель времени как линейного прогресса. К 1991 г., отмечает С. Ловелл, более точной пространственной метафорой, отражающей траекторию русской ис-

тории, стала модель бесконечных циклов реформы и реакции, в которых один деспотизм сменяется другим (с. 34–35).

В сегодняшней России, спустя почти 20 лет после распада СССР, самым волнующим историческим событием кажется Великая Отечественная война, а люди пожилые чаще всего вспоминают брежневскую эпоху, означающую для них (забывших все трудности советского быта) стабильность цен и скромный, но вполне респектабельный уровень жизни. Постепенно уходя в прошлое, Советский Союз обрел свою нишу в рассказах старшего поколения (с. 35).

В главе второй «Принуждение и участие» исследуется политическая практика советского государства, в которой террор сочетался с идеологией социальной мобилизации широких масс и коллективизмом. Отмечая, что политическое насилие всегда считалось главной характерной чертой Советского Союза, особенно в первые десятилетия его существования, автор указывает на другой важный аспект советской системы: она требовала от своих граждан беспрецедентного уровня участия – и получала его.

С. Ловелл рассматривает историческую эволюцию советского террора, который начал активно разворачиваться летом 1918 г. По его мнению, хотя всем гражданским войнам присуща крайняя жестокость, действия большевиков имели качественные отличия. Прежде всего, очень быстро был создан аппарат насилия (ВЧК), и затем советское государство долгое время буквально вело войну против собственного на-

рода. Это ощущение перманентной войны подпитывалось и во время крутых социальных переворотов (насильственной коллективизации и форсированной индустриализации), и фактом существования «враждебного капиталистического окружения». Большевики оперировали идеологией «мы и они» в ее самом крайнем варианте, пишет автор. Причем, в отличие от нацистской Германии, где на первом плане всегда стояли расовые соображения, в СССР критерии были крайне расплывчатыми, так что далеко не всегда можно было понять, кто такие «мы», а кто – «они» (с. 38).

Архивные исследования социальных историков нарисовали портрет Большого террора и подчеркнули, что он явился кульминацией беспорядков и репрессий, начатых коллективизацией. После массовых арестов в деревне и высылки в начале 1930-х годов центр репрессий переместился в города, вслед за ринувшимися туда крестьянами. Сталин, по мнению автора, несет полную ответственность за эскалацию террора в 1937–1938 гг. и был тогда единственным человеком, который мог его остановить. Но даже Сталин, который фактически подавал сигналы, а не руководил террором на каждой его стадии, был удивлен его масштабами. На вопрос, как такое могло случиться, существует несколько ответов.

С точки зрения структурно-институционального подхода, пишет С. Ловелл, огромный аппарат насилия, призванный «на научной основе» управлять обществом и искоренять «вредные элементы», должен был работать как можно

более эффективно, что он и делал. Кроме того, в тяжелых условиях 1930-х годов было очень удобно искать и находить «козлов отпущения».

Однако не менее важно обратиться к политической культуре большевизма, сохранившей и в 1930-е годы воинственный этос эпохи Гражданской войны. Кроме того, будучи изначально конспиративной организацией, ВКП(б) после того, как стала правящей партией, институционализировала подозрительность по отношению и к своим членам, и к обществу в целом. Под подозрением находились все, и советские люди должны были постоянно на деле доказывать свою невиновность, что отличало большевизм межвоенного периода от других авторитарных режимов (с. 39–42).

Вся политическая система сталинизма, пишет С. Ловелл, была организована так, чтобы мобилизовать население, держать его в постоянном состоянии готовности сразиться с любыми трудностями. Людей считали активными гражданами, а не рабами, и понятие о народном участии нашло отражение в самом названии советского государства. Советы как органы демократической власти всегда оставались важным пунктом в самоопределении государства и его легитимации (с. 42–43).

В СССР довольно быстро сложились ритуалы, демонстрирующие сопричастность и энтузиазм народа: парады, митинги, празднества, затем – выборы (всеобщие, прямые и тайные). Причем нельзя квалифицировать эти формы участия

как простое принуждение. В межвоенный период демократия отнюдь не подразумевала либерализм и была вполне совместима с диктатурой, а государство большевиков всегда подавало себя как представителя интересов трудящихся. Совпавшие по времени начало Большого террора и выборы в Верховный Совет усиливали важнейшее для легитимности советского строя представление о том, что чрезвычайное насилие может осуществляться от имени народа, а иногда и напрямую руками народа. Участие населения в терроре реализовывалось главным образом в форме доносов или «сигналов» с мест, как это было в случае с Павликом Морозовым, ставшим на какое-то время примером для советских детей, пишет С. Ловелл (с. 45).

Истинное отношение советских людей к советскому режиму в 1930-е годы определить очень трудно из-за характера имеющихся источников, замечает автор. Однако можно заключить, что в отличие от колхозной деревни, городское население фактически не ставило под вопрос его легитимность (с. 47–48).

В годы Великой Отечественной войны сопричастность граждан стала оцениваться с точки зрения их вклада в борьбу с внешним врагом, с этих позиций осуществлялся и террор по отношению к собственному населению. Последние годы правления Сталина при всей их зловещей мрачности свидетельствовали о том, что советская система становится более стабильной и иерархической, а политическая полиция

превращается в «прагматичную организацию». Репрессий не стало меньше, однако критерии для обвинений стали более четкими. Амнистия после смерти Сталина и затем публичное осуждение Хрущёвым террора указывали на то, что режим решил мобилизовать население для строительства социализма другими, менее драконовскими методами (с. 49).

В книге перечисляются методы мобилизации населения, активно использовавшиеся при Хрущёве: освоение целины, все более частые партийные съезды и пленумы, выборы в местные советы, создание товарищеских судов и народных дружин. Указывая на социальную напряженность, вызванную не только трудностями нового этапа индустриализации и урбанизации, но и возвращением домой репрессированных и высланных, автор отмечает слабую эффективность насильственных мер по поддержанию стабильности и рост насилия в обществе на бытовом уровне, где нарастала апатия, получил широкое распространение алкоголизм. Попытки Горбачёва мобилизовать население для «демократизации» советской системы привели к неожиданным результатам. События августа 1991 г. и последующий распад СССР не были, однако, ни народным восстанием, ни «бархатной революцией», хотя уровень народного участия автор признает высоким для граждан авторитарного однопартийного государства (с. 56).

Бедность и богатство при социализме – тема третьей главы, в которой показано, как в эгалитарном по замыслу го-

сударстве нашлось место и иерархии, и неравенству. В ней рассматривается экономическая политика централизации и дифференцированного распределения, которую большевики начали применять уже в эпоху военного коммунизма. Дискуссии об экономической стратегии отражали смесь экономического детерминизма с волюнтаризмом, который преобладал в трудные моменты. Особенно тяжелые последствия для населения имело решение о сплошной коллективизации, которое привело к гибели от голода миллионов людей на Украине и в Казахстане.

С. Ловелл отмечает двойственное отношение большевиков к бедности и богатству. С моральной точки зрения лучше было быть бедным, однако бедность ассоциировалась с угнетением народных масс при царском режиме, и в ходе социалистического строительства ее предполагалось окончательно преодолеть. Таким образом, понятие экономического процветания не было чуждо советской идеологии, и оно реализовалось в закрытых распределителях, в которые имела доступ новая элита (с. 65).

Несмотря ни на что социалистической экономике не удалось до конца уничтожить рынок, который давал простым людям возможность выжить в тяжелые времена, особенно в годы войны, когда и без того бедная страна потеряла огромную часть национального богатства. Голод 1946–1947 гг. завершился (на сто лет позже, чем в западных странах) «эпоху голодовок» в СССР, и началось постепенное повышение

уровня жизни советских людей. Автор отмечает, что вопрос о благосостоянии потребителя перешел из области мифа в более практическую плоскость, так что в начале 1960-х годов режим начал связывать с ним свою легитимность. Однако несмотря на постоянный стабильный рост доходов населения, достаток оставался более чем скромным по западным меркам, а ассортимент товаров, как и их количество, был просто несопоставим с развитыми капиталистическими странами (с. 70–72).

В командной экономике по-прежнему приоритет принадлежал тяжелой индустрии и военно-промышленному комплексу, но она не была способна справиться с решением таких сложных задач, как оценка рисков, регулирование предложения и поставок, ценообразование. Из-за консерватизма плановой экономики даже резкое повышение мировых цен на нефть в 1970-е годы не помогло сделать решительный рывок. Попытки Горбачёва поднять народное хозяйство за счет частной инициативы оказались «достаточно радикальными для того, чтобы подорвать стабильность советского строя, но недостаточными для того, чтобы от него освободиться, – пишет автор. – Советский строй закончил тем же, с чего начинался в 1917 г.: очередями за продуктами» (с. 75).

В четвертой главе рассматриваются отношения между элитой и массами, а также становление особого типа «масового общества» в рабоче-крестьянском государстве. Автор прослеживает непростые взаимоотношения элиты – пар-

тии большевиков – с рабочим классом, «авангардом» которого она являлась, динамику социальной политики, направленной на количественный рост партии и одновременно на сохранение чистоты ее рядов, останавливается на мерах по созданию новой элиты, важнейшими из которых были культурная революция, а также инициированное сверху стахановское движение. В 1930-е годы вырабатываются и нормы поведения для новой элиты, в основе которых лежало понятие «культурности», причем предлагавшийся образ жизни, замечает автор, «в других странах назвали бы “ценностями среднего класса”». Он имел мало общего с пролетарским аскетизмом предыдущих этапов советской истории» (с. 85). Введение накануне войны платы за высшее и среднее специальное образование, а также в старших классах средней школы подтвердило, что эгалитаризм для советского режима менее важен, чем успешная мобилизация. Будучи мерой, характерной для военной экономики и направленной на количественное увеличение рабочего класса за счет молодежи, она подчеркнула социальные различия.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.